

Глава 1

Ялик из красного дерева снова так близко проскользнул от их лодки, что чуть было не задел ее бортом. В последнее время эти случайные встречи стали настолько частыми, что, казалось, они этого даже не заметили. Возвращавшиеся из Календера¹ изящные, нарядно одетые пассажиры белого ялика не выказали ни малейшего волнения, даже не вскрикнули от страха: Пейкер, сидевшая вполборота, так, чтобы взору открывался вид и с правого, и с левого бортов, и головы не повернула в сторону промчавшейся мимо лодки; серьезное и озабоченное лицо Бихтер под белым покрывалом осталось

¹ Календер — место гуляний на европейском побережье Босфора в Стамбуле, между Йеникёй и Тарабёй, очень популярное в прежние времена, в настоящее время утратило свое значение.

совершенно бесстрастным; она повернулась спиной к берегу и задумчиво следила глазами за пароходом, распыляющим свой дым в сторону азиатского берега¹; только их мать не осталась полностью равнодушной, она проводила ялик глазами, густо подведенными сурьмой, что в сочетании с крашеными светлыми волосами придавало неоднозначность ее взгляду, выражающему укор, но в глубине которого трепетала тайная благодарность.

Как только расстояние между яликами немного увеличилось, благочестивое безразличие женщин словно улетучилось, мать — она по-прежнему ощущала себя молодой, и это ощущение не удалось уничтожить сорока пяти годам, — следуя привычке принимать на свой счет все улыбки, расточаемые им в местах гуляний, заговорила первой:

— Снова этот Аднан-бей!..² Это уже стало традицией. Стоит нам выйти из дома — и он тут как тут; ведь его не было сегодня в Календере, не так ли, Бихтер?

В недовольном тоне матери сквозило плохо скрытое удовлетворение. Бихтер оставила ее слова без ответа. Пейкер же, пропуская мимо ушей вопрос матери, заметила:

— Сегодня с ним нет детей. Какие у него прекрасные дети, не правда ли, мама? Особенно мальчик! Так и стреляет своими раскосыми глазенками.

¹ Стамбул расположен на двух континентах, делится на азиатскую и европейскую части.

² Бей — употребляется после имени, уважительное обращение к мужчине (*прим. пер.*).

ЗАПРЕЖАЯ ЛЮБОВЬ

Бихтер, не меняя позы, бросила через губу:

— Разве вы не были знакомы с их матерью? Девочка, должно быть, пошла в мать...

Взгляд Фирдевс-ханым¹ застыл на секунду, она сделала вид, что не поняла намек, скрытого в вопросе Бихтер, затем обернулась и поискала глазами уже исчезнувший из вида ялик; снова поворачиваясь к Бихтер, на этот раз, следуя потоку своих мыслей, она сказала:

— Как странно он смотрит! Такой пристальный взгляд! Когда бы ни попался мне на глаза, он всегда смотрит...

Фирдевс-ханым на секунду запнулась. Вероятно, она собиралась сказать «на меня», но не могла позволить себе окончательно потерять свой и так уже сильно расшатанный материнский авторитет и сочла необходимым выразиться осторожнее:

— ...в нашу сторону.

Заминка матери не укрылась от девушек. Пейкер и Бихтер многозначительно переглянулись, подавив смешок. Пейкер лукаво добавила:

— Да, он не отрывает глаз от Бихтер.

Девушки посмотрели на мать с интересом, наблюдая, какое впечатление на нее произвели эти слова, но та, не желая отвечать, отвернулась и устремила взор вдаль.

Вот уже тридцать лет — с пятнадцати до сорока пяти — Фирдевс-ханым из рода Мелих-бея представляла это семейство, именно она внесла наибольший

¹ Ханым — употребляется после имени, уважительное обращение к женщине (*прим. пер.*)

вклад в формирование особой славы этого семейства и стала символом образа жизни, который вела публика, посещающая места гуляний в Стамбуле. Эта женщина, имя которой было у всех на устах и, казалось, никогда не исчезнет с повестки дня, с каждым годом все больше и больше цеплялась за уходящую молодость: опасаясь утратить былую свежесть, она красила волосы, чтобы скрыть седину, белила лицо, чтобы замаскировать убывающую гладкость кожи; она была настолько слепа в представлении о своем собственном возрасте, что, забывая о возрасте Пейкер и Бихтер, одной из которых было двадцать пять, а второй — двадцать два года, считала их еще совсем детьми, к которым просто не могли относиться все эти расточаемые в их адрес улыбки и комплименты, и все знаки внимания принимала исключительно на свой счет.

Это было причиной постоянных семейных стычек и вызывало насмешки со стороны дочерей, и, хотя это было пока не настолько явно, это повторялось каждый день; язвительные намеки Пейкер, безжалостная улыбка Бихтер, своей молодостью и красотой они словно бросали вызов сорока пяти годам, оставившим следы разрушения на лице их матери.

Эти язвительные слова, эти безжалостные насмешки навязчиво жужжали у нее над ухом, напоминая, что ей сорок пять лет, и она задумчиво, с горькой улыбкой на губах, смотрела на Пейкер и Бихтер, затем, отмахиваясь от этой реальности, возвращалась к обманчивому наслаждению своей вымышленной молодостью.

ЗАПРЕЖАЯ ЛЮБОВЬ

Вот уже четыре месяца ее мозг сверлила докучливая мысль. Скоро Пейкер сделает ее бабушкой. После того, как ее поставили в известность, мысль о том, что она станет бабушкой, превратилась в постоянно мучивший ее кошмар. Она не хотела в это верить. «Этого не может быть!» — твердила она себе.

Бабушка!

Женщины в семействе Мелих-бея и матерями-то становились через силу, стать бабушкой — уже как-то чересчур, это гадко и унизительно. Уже сейчас она искала выход из этого положения. Если уж сумела справиться с сединой в волосах и с морщинами на лице, она найдет средство и против того, чтобы называться бабушкой. Это должно быть нечто такое, что позволит ей навсегда забыть о своем возрасте: пусть ребенок называет свою мать старшей сестрой, а ее — матерью.

Почему судьбой ей уготовлено унижение представлять такое странное исключение из семейства Мелих-бея? Этот факт пугал ее, как пятно, что замарают всю ее жизнь, и она уже сейчас не скрывала неприязнь к Пейкер и к существу, которое собиралось сделать ее бабушкой.

После последних слов Пейкер в лодке воцарилось молчание. Казалось, все уже забыли об Аднан-бее.

Семейство Мелих-бея... Невозможно определить место, которое оно занимало в жизни Стамбула по общепринятым канонам общества. Что представляло из

себя полвека назад это семейство, бывшее не столь знатного происхождения, чтобы однозначно утверждать, что оно относится к аристократическому миру, неизвестно, прошлое его сокрыто туманом. Возможно, если покопаться в родословной, среди членов семьи можно встретить кое-какие известные имена, оставившие некий след в истории аристократической жизни — хотя это и представляется несколько сомнительным. Так что основная история жизни этого семейства начинается с Мелих-бея, под именем которого этот род и стал известен. Семейство Мелих-бея — это словосочетание стало нарицательным и заключало в себе все нравственные идеалы и жизненные принципы, из которых составлялся моральный облик этой семьи.

Кто же такой Мелих-бей?

Нет необходимости пытаться найти на этот вопрос четкий ответ. Мелих-бей после своей кончины не оставил ничего, что следовало бы сохранить и продолжить. Только ялы¹ на азиатском берегу и женщин, живших в различных уголках Стамбула, но объединенных своей принадлежностью к семейству Мелих-бея, что придавало им особую исключительность.

Ялы Мелих-бея за пятьдесят лет пережила целый ряд эпохальных перемен. Кто знает, кому она сейчас принадлежит? Однако когда бы ни проплывали мимо ялы знатоки частной жизни обитателей Босфора, указующий перст в их сердцах поднимался и, вкладывая

¹ Ялы — деревянный дом или особняк непосредственно на берегу пролива Босфор в Стамбуле, подобные дома строились преимущественно в XVIII—XX веках

ЗАПРЕЖАЯ ЛЮБОВЬ

богатый, но несколько туманный смысл, провозглашал: «Ялы Мелих-бея!»

Казалось, праздничное веселье, некогда переливающееся через край и выплескивающееся из окон ялы, все еще звучало в мелодии волн, омывающих камни набережной, и воды Босфора по ночам по-прежнему сверкали и искрились, как источник райского наслаждения, которое они впитали в те времена. Поэтому те, кто был непричастен к истории ялы, проплывая мимо, могли ощутить лишь витающий вокруг нее аромат, тот авантюрный дух таинственного, неведомого им мира, и повторяли заворуженно:

— Да... ялы Мелих-бея!

Эта ялы в истории города заслужила звание оранжереи, выращивающей редкие, элитные цветы и украшающей аристократическую жизнь Стамбула лучшими образчиками своего урожая. Вот уже полвека, как женщины ялы расселились по различным районам этого большого города, но, хотя жили они и в разных местах, было то, что объединяло эти редкие прекрасные цветы и связывало в один большой букет — принадлежность в семейству. Это позволяло им всегда держаться на плаву, они не тонули и, словно кувшинки, плыли по реке перемен, воды которой влекли семью все дальше и дальше.

Женщины семейства Мелих-бея обладали удивительным свойством: стоило им породниться с какой-либо семьей, эта семья неизбежно становилась частью семейства Мелих-бея. Видимо в силу того, что сохранение исключительности этой семьи было возложено

на женщин, судьба распорядилась так, что в этой семье рождались только девочки, и, если девушка из семейства Мелих-бея входила в чужую семью, она не могла позволить своей духовной личности быть замешанной в тесто этой новой семьи, поэтому уподобляла всех себе. Мало того, как только Фирдевс-ханым — один из прекраснейших цветков этой оранжереи, самого элитного сорта за всю историю семьи, — в возрасте восемнадцати лет вошла невестой на миниатюрную изящную ялы на Румелийском¹ побережье — ту самую ялы, что сейчас выкрашена в светло-желтый цвет и на пристань которой после прогулки в Календер вот-вот должна была причалить белая лодка, — в качестве приданого она принесла с собой имя семейства, с того дня имя ее мужа все позабыли и называли его не иначе как: «Муж Фирдевс-ханым».

Как и другие девушки, ее родственницы, Фирдевс-ханым, опасаясь остаться без мужа, очень торопилась выйти замуж. Опираясь на соображения своего практического ума, со всей легкомысленностью своего характера, который не придавал важности ничему, кроме как хорошо одеваться и развлекаться в свое удовольствие, она решила во что бы то ни стало найти мужа — необходим был кошелек, который будет оплачивать ее наряды и экипажи. Желание окружающих людей держаться подальше от этой семьи все больше набирало силу и ограничивало возможности поиска мужа для девушек, желающих выйти замуж, только местами прогулок.

¹ Румелийское побережье — европейское побережье Стамбула.

ЗАПРЕЖАЯ ЛЮБОВЬ

И вот однажды на Гёксу¹ — как это произошло, неизвестно, — заговорили о браке Фирдевс-ханым. Эти слухи пролетели легким шепотом над несущими страсть водами реки, на своем пути они встречали удивление. Гёксу была словно ошарашена и изумлена этими слухами. Все восклицали в один голос:

— Так рано?!

Ей было всего 18 лет, Гёксу еще не успела вдоволь насладиться чудесным запахом этого бутона, который теперь оставит в утешение лишь тонкий аромат в память о себе... Однако уже через неделю, словно замужество не было тем событием, которое могло нарушить ее планы, Фирдевс-ханым снова появилась на Гёксу, чтобы как и неделю назад притягивать к себе взгляды, и вся река забурлила, вздохнув свободно, — на этот раз кружиться в веселом романтическом водовороте вокруг восемнадцатилетней красавицы можно было без опасения быть затянутым в пучину брака; Фирдевс-ханым приехала поприветствовать Гёксу, чтобы доказать, что, даже будучи замужем, она останется верна гуляньям, и все лодки жаждущих любви устремились за ее лодкой, так и повелось.

Пока Фирдевс-ханым искала мужа на Гёксу, она выглядела как рыбак, на крючке удочки которого болтался свинцовый грузик: там, куда она ее забрасывала, образовывались круги, которые постепенно все

¹ Гёксу — название реки и места для гуляний в стамбульском районе Анадолухисар, особенно была популярна во второй половине XIX века, знаменита своими прекрасными видами лунной ночью (место прогулок влюбленных лунными ночами).

расширялись и расширялись, и каждый стремился, только слегка соприкоснувшись с кончиком крючка, сорвать немного наживки, а затем уплыть и оказаться за пределами этих кругов, предпочитая наблюдать со стороны, как будет пойман какой-нибудь простофиля. После того, как выяснилось, кто стал этим простофилей, любопытство было удовлетворено, и о существовании этого несчастного быстро позабыли. Теперь остался только рыбак, крючок удочки которого был сломан, только Фирдевс-ханым, которая в глубине души жаждала не столько поймать кого-то, сколько быть пойманной.

По правде говоря, в этом браке обманутой стороной оказалась Фирдевс-ханым, брак не принес ей ничего или столь мало из того, на что она рассчитывала, что она возненавидела этого человека, не оправдавшего ее ожидания. Этот брак не дал ей даже утешения удовлетворить наивные чаяния молодости. Действительно, в семейной жизни не сбылась ни одна мечта о любви из тех, что она лелеяла в молодости. Когда пожертвовав своими надеждами на любовь и пылкую страсть, увидела, что это самопожертвование никак не оценено противоположной стороной, Фирдевс-ханым испытала горькое разочарование и задумалась: «Раз все должно было произойти именно так, зачем все это?..» Задавая себе этот вопрос, она представляла молодых людей, которые были отвергнуты ею, поскольку были богаты, и задавала себе следующий вопрос: «Ну раз все так, почему я не выбрала одного из них?»

ЗАПРЕЖАЯ ЛЮБОВЬ

Фирдевс-ханым была абсолютно раскрепощенной особой, можно было даже сказать, что эта женщина полностью поменяла местами права и обязанности в браке и заняла место мужа. Не прошло и недели, как она превратила своего супруга в одного из семейства Мелих-бея.

Однажды во время прогулки по Гёксу прямо на глазах у мужа в лодку Фирдевс-ханым бросили букет цветов, внутри которого была спрятана записка в розовом конверте. В тот вечер ее муж впервые попытался устроить сцену ревности и потребовал отчета по поводу цветов и записки. Фирдевс-ханым одним только взглядом ментально пресекла все попытки затеять ссору.

— Да, — подтвердила она. — Это цветы, а внутри письмо. Если хочешь, можешь прочитать. Я его еще не разорвала. И что дальше? Что ты сделаешь? Я не стану запрещать им бросать цветы и писать письма. По-моему, если что и нужно сделать, так не обращать на это внимание.

Потом она склонилась над мужем и, поведив указательным пальцем у него перед носом, добавила:

— И, мой вам совет: лучше не устраивайте мне сцен ревности, этим вы вынудите меня писать им в ответ.

Через два года родилась Пейкер, а еще через три — Бихтер. Для Фирдевс-ханым это было тяжким ударом. Теперь она почти каждый день сражалась с этим человеком, который дважды сделал ее матерью. Отныне любая мелочь могла стать поводом для объявления

войны. Она превратилась во врага ему и детям — этим людям, которые хотели лишить ее молодости.

«Думаешь, я только и буду делать, что всю жизнь рожать тебе детей?» — этот вопрос, точно удар бича, обрушивался на мужа в самые неожиданные моменты. Он же покорно подставлял свое лицо под этот удар и, улыбаясь, ждал развязки ужасной ссоры. Невыносимо было видеть перед собой этого мужчину таким презренным, таким жалким, что добавляло к ее ненависти оттенок отвращения. Для обоих жизнь превратилась в нескончаемый ад.

Однажды, когда Фирдевс-ханым вернулась из Стамбула¹ и вошла в свою комнату, она застыла от неожиданности, пораженная развернувшейся перед ней картиной: замки на ее ящиках были сломаны, по всей комнате были разбросаны ее белье, ленты, платки. Вдруг среди всего этого она увидела смятые, разорванные клочки бумаги и все поняла.

Наконец-то ее муж спустя годы обнаружил, что в нем есть еще капля мужской гордости, и вскрыл ящик, хранивший тайны ее частной жизни.

В гневе и бешенстве, не медля ни минуты, она выскочила из комнаты и в дверях наткнулась на Пейкер — свою старшую дочь, тогда ей было восемь лет:

— Мама, папа упал в обморок, он болен.

Схватив ребенка за руку, она вбежала в комнату мужа. Она хотела выплеснуть ему в лицо всю нена-

¹ Имеется в виду центральная европейская часть города, жизнь на ялы рассматривалась как загородная жизнь (*прим. пер.*).

ЗАПРЕЖАЯ ЛЮБОВЬ

висть, накопившуюся за годы их совместной жизни, окончательно все разрушить, разорвать все связи, но, ворвавшись в комнату, замерла, увидев распластанное на кровати тело, сраженное молниеносным ударом. Он перевел глаза на жену, в них был упрек за всю его замаранную жизнь. Фирдевс-ханым впервые было нечего ответить мужу. Она стояла ошеломленная, с дрожащими губами; не в силах отвести взгляд, женщина смотрела, как из глаз мужа катятся две безмолвные слезы.

Через неделю она уже была вдовой. Потеряв мужа, она вдруг почувствовала к нему жалость, даже некоторую любовь. Она признавала, что частично причастна к смерти мужа. Однако это не помешало ей уже через месяц показаться в местах гуляний. На этот раз ее цель, о достижении которой она мечтала еще десять лет назад, засверкала с новой силой: найти денежный мешок, но такой, чтобы можно было из него без счета черпать горстями.

И вот годы текли, немилосердно, как сквозь пальцы, и надежда на роскошный блеск этого кошелька, сверкающего золотыми искрами перед мечтательным взором Фирдевс-ханым, постепенно угасала в ревнивых руках судьбы.

Когда Пейкер сказала про Аднан-бея: «Да, он не отводит глаз от Бихтер», сердце ее сжалось. Значит, этого у нее уведет Бихтер?

Сначала Пейкер, теперь Бихтер... В ее глазах дочери были соперницами, врагами, которые, постепенно отбирая у нее надежду, жаждали ее смерти.

Замужество Пейкер стало для нее страшным ударом. Когда об этом впервые зашла речь, она восстала против затеи дочери выйти замуж, тем более, что Пейкер хотела вступить в брак по любви. По мнению Фирдевс-ханым, это было равносильно преступлению. Довольно долго ей удавалось препятствовать замужеству дочери, но, когда Пейкер пригрозила убежать, мать обессилено опустила руки и, приняв свое поражение, дала согласие. Существование зятя, который обращался к ней почтительно-официально — валиде-ханымэфенди, сначала доставляло ей боль, словно она мгновенно состарилась,. Со временем эту жгучую боль потихоньку присыпало пеплом, но теперь перед угрозой стать бабушкой пепел готов был вспыхнуть снова.

Бихтер легко выпрыгнула из лодки и подала Пейкер руку. С тех пор как Пейкер узнала, что беременна, ей стало нравиться принимать такие маленькие знаки внимания, и хотя срок был еще не настолько велик, чтобы почувствовать тяжесть, в ее походке и в поведении ощущалась некоторая преувеличенная слабость, словно ей не хватало сил, и она нуждалась в помощи. Сестры остановились на пристани, дожидаясь мать. Та же, напротив, хотела продемонстрировать, что не нуждается ни в чьей помощи. С неожиданной для ее комплекции легкостью она поднялась со скамьи и спрыгнула на пристань.

Теперь, когда все трое стояли рядом, нельзя было не заметить то редкое изящество, с которым были одеты женщины.

ЗАПРЕЖАЯ ЛЮБОВЬ

Искусство красиво одеваться... Вот что помимо умения со вкусом развлекаться отличало женщин семейства Мелих-бея. В их нарядах читались особое изящество и стиль, которым завидовали и стремились подражать все ценители вкуса, но — по неведомой причине — никому из них так и не удалось сравниться с ними в элегантности нарядов.

Никто не смог бы сказать наверняка, как далеко члены этого семейства, известнейшими из которых на сегодняшний день были Фирдевс-ханым и ее дочери, заходили в своих развлечениях. Особая слава, которой они пользовались в светских кругах Стамбула, поднимала их на столь недостижимую ступень, что никому и в голову не приходило выискивать тому причины и оспаривать их превосходство. Их знали все завсегдатаи Гёксю, Кягытхане¹, Календера, Бендлер²; в лунные ночи на Босфоре больше всего преследовали их лодку, чаще всего дежурили под окнами их ялы, стараясь уловить звуки пианино, следили за изящными силуэтами, мелькавшими за занавеской, пытались разгадать, что скрывается за этими окнами.

¹ Кягытхане — река на северо-западе Стамбула, впадает в Золотой Рог, а также место гуляний, наиболее популярное в период тюльпанов (1718–1730 г.г.), на момент написания романа утратило свое значение.

² Бендлер — водохранилища, построенные в южной части Белградского леса на северо-западе Босфора с целью обеспечения города водой.